

Глава 26. Смена власти

Гу Шэн стоял как громом поражённый. По спине пробежал ледяной холод, а в голове стучала лишь одна мысль: «Невозможно! Этого не может быть!»

В тот день, на полпути к горе Хуэй, несмотря на то что местные чиновники превозносили их до небес, скрывая любую грязь, он был не прочь подыграть, сделать вид, что глух и нем, пройтись для вида, а потом вернуться в столицу за похвалой от отца. Но его заместитель, Люй Цзюйчжэн, хоть и упрямец, но дураком не был. Он тайком выбрался в город и увидел всё своими глазами: повсюду трупы умерших от голода, людям некуда было идти. Вернувшись, он стал убеждать Гу Шэна открыть амбары и раздать зерно.

Но мог ли он это сделать? Зерно было не его, так что ему-то было всё равно. Однако, открой он амбары, и в столице узнают об истинном положении дел в Ичжоу, и его ложь о корысти местного правителя раскроется. Гу Шэн несколько раз уклонился от ответа, и почтение Люй Цзюйчжэна к нему постепенно испарилось. К тому времени, как они добрались до горы Хуэй на обратном пути, тот уже открыто ему противостоял.

Видя, что Люй Цзюйчжэн уже готовит доклад, чтобы по возвращении обрушиться на него с обвинениями, Гу Шэн решил нанести удар первым. Он собственными глазами видел, как генерал Минвэй вонзил копьё в левую грудь старика. Когда сверкающее острие вышло из тела, хлынула кровь, и рана под солнцем потекла алым ручьём. Люй Цзюйчжэн, пошатнувшись, сделал два шага и рухнул с обрыва. Вдребезги.

Мысли Гу Шэна метались, он никак не мог понять, как тот выжил.

— Четвёртый принц, верно, не ожидал, что я восстану из мёртвых? — Голос Люй Цзюйчжэна сочился ядом, он смотрел на принца так, словно хотел вцепиться в него зубами. — Вы поступили бесчеловечно, подослав переодетых бандитов, чтобы убить меня. Но мне повезло: сердце оказалось смещено, и удар пришёлся лишь по плоти. А упав со скалы, я был спасён настоящими разбойниками.

— Это они дали мне денег на дорогу и проводили до самой столицы!

Даже в романе не придумаешь такого сюжета. Люй Цзюйчжэн мог лишь благодарить судьбу. Предки династии Цинь на небесах не позволили ему умереть напрасно от руки четвёртого принца, они вытащили его из ада Ичжоу, чтобы он мог вернуться и явить миру правду.

Свирепые на вид разбойники сперва точили ножи, собираясь его убить, но один из их разведчиков видел его в городе Ичжоу и знал, что он не заодно с четвёртым принцем. Он замолвил за него слово перед главарём, а Люй Цзюйчжэн поклялся, что, вернувшись в столицу, непременно разоблачит принца. Тогда разбойники передумали и даже выделили небольшой отряд, чтобы проводить его до окрестностей столицы, откуда он с торговым караваном добрался до города.

Четвёртый принц предавался развлечениям, принимал подношения от чиновников и, хотя ехал по ровной казённой дороге, добирался до столицы полмесяца. Люй Цзюйчжэн же, едва оправившись от ран, мчался верхом по просёлочным дорогам. Даже потеряв несколько дней на поиски каравана после ухода разбойников, он прибыл в столицу всего на день позже принца.

— Князь Цзинь, как вы объяснили Его Величеству рану на вашем лице? — с вызовом спросил Люй Цзюйчжэн. — Неужели сказали, что это дело рук разбойников?

— Ты! — при упоминании об этом глаза князя Цзинь сверкнули злобой.

Когда на обратном пути из Ичжоу он, не таясь, повёз Люй Цзюйчжэна через гору Хуэй, он уже решил его убить. Люй Цзюйчжэн, должно быть, догадался об этом и спрятал в сапоге кинжал, о котором не знали даже приставленные к нему слуги. Когда генерал Минвэй пришёл за ним, он взмахнул рукой, и острое лезвие метнулось к шее генерала.

Дзынь!

Генерал Минвэй инстинктивно отбил кинжал копьём. Холодное лезвие, сверкнув, пронеслось серебряной кометой. Это было последнее, что он помнил.

В следующую секунду по его щеке потекла тёплая, вязкая струйка.

Кинжал, миновав его верных воинов, угодил прямо в него, прятавшегося в толпе.

Хотя Люй Цзюйчжэн и сорвался со скалы, а слуги тут же перевязали рану, кинжал, который тот носил в сапоге, побывал и в речной воде, и в грязи, и в поту под палящим солнцем. В тот же вечер у принца начался жар. Уже подъезжая к столице, он, чтобы разыграть трагедию до конца, порезал себе ещё и правую руку. Раны до сих пор не зажили.

Они смотрели друг на друга с неприкрытой ненавистью, готовые разорвать один другого. Но гнев Люй Цзюйчжэна был сильнее. Он был сановником, и его долг — увещевать, а не умирать от руки принца. Какое бесчестье!

Никогда ещё он не терпел такого унижения. Его иссохшие губы задвигались, слюна летела во все стороны. Он говорил страстно, и от собственного красноречия его бледное лицо зарделось. В его описании четвёртый принц предстал бесстыдным негодяем, который, облечённый высоким доверием, предал императора и пёкся лишь о своей выгоде.

— Правитель Ичжоу не преувеличивал! Половина города затоплена, люди голодают, дошло до того, что едят собственных детей! Я сам видел, как мальчика похитили, а родители бежали за ним, пока не упали без сил на обочине...

— Да что там люди, даже воробьи дохнут на лету, и их тут же подбирают и съедают!

— Правитель Ичжоу раздал последнее зерно из городских запасов, открыл бесплатные столовые, чтобы хоть как-то помочь голодающим. Он отдал всё, что у него было, лишь бы город не погрузился в полный хаос.

— Более того, когда мы проезжали через Хойчжоу, я обнаружил, что вершина горы Хуэй почти полностью скрыта! Военный комиссар Хойчжоу строит там даосский храм Яогуан. Я расспросил рабочих и узнал, что это храм для Его Величества!

— Ваше Величество, это же абсурд! — Люй Цзюйчжэн от негодования закачался, его голос сорвался на визг, а борода затряслась.

Он так увлёкся обличением четвёртого принца, что ненароком задел и самого императора.

Лицо императора помрачнело. Он искоса взглянул на князя Цзинь, и во взгляде его читались нескрываемый холод и упрёк. Гу Шэн пошатнулся и рухнул на колени.

— Отец... Ваше Величество...

Он не ожидал, что Люй Цзюйчжэн вернётся в столицу живым.

Он боролся с наследным принцем за трон, но их пути расходились. Наследный принц был умён, дальновиден и обладал талантом к управлению государством. Хотя из-за подозрений императора Цзяньюаня он обычно держался в тени, в делах, касающихся основ династии, он был готов пойти против воли отца, чтобы навести порядок. Чиновники были не дураки, и авторитет наследного принца рос день ото дня.

Но разве может тигр спать спокойно, когда рядом кто-то дышит? Растущая популярность наследного принца не давала императору покоя. Где же тогда его, императора, место? Император Цзяньюань всё больше ненавидел наследного принца. К тому же, вставшая в немилость много лет назад императрица Чжоу не представляла угрозы. А он и достойная наложница Сянь умели угадывать желания императора и извлекали из этого немалую выгоду.

Именно поэтому Гу Шэн мгновенно понял, что отец готов им пожертвовать. Перед лицом защиты собственной репутации он, Гу Шэн, был всего лишь пешкой. Таким был император Цзяньюань — холодным и безжалостным.

— Какой ещё храм Яогуан? — низким, полным гнева голосом спросил император. — Князь Цзинь!

— Это военный комиссар Хойчжоу хотел поздравить отца с днём рождения и велел мастерам построить... Я недоглядел, прошу Ваше Величество наказать меня, — с мёртвым сердцем произнёс князь Цзинь.

— Князь Цзинь, ты осмелел! — Император с силой ударил по подлокотнику трона. — Увести его! Снять нефритовый пояс, лишить титула князя Цзинь, заточить в резиденции! Без моего указа не выпускать!

Наследный принц едва заметно усмехнулся. Отец и сын стояли друг друга. Император Цзяньюань пожертвовал ферзём, чтобы спасти короля, а Гу Шэн тут же подставил военного комиссара Хойчжоу.

— Военного комиссара Хойчжоу... — Император бросил взгляд на наследного принца и поправился: — Низвести до правителя Хойчжоу, лишить жалованья на три года.

— Ваше Величество, храм Яогуан... — поспешно вмешался Люй Цзюйчжэн.

Император Цзяньюань поднял руку.

— Сановник, не нужно лишних слов, — с видом праведного государя произнёс он. — Немедля отправить указ в Хойчжоу, повелеть правителю остановить строительство храма, распустить мастеров и рабочих.

Люй Цзюйчжэн не успел вознести хвалу императору и тут же спросил:

— Наводнение в Ичжоу не терпит отлагательств. Кого Ваше Величество отправит туда?

— Полагаю, раз Люй Цзюйчжэн был захвачен разбойниками, значит, среди беженцев начались волнения, народ страдает. Если так пойдёт и дальше, стихийное бедствие перерастёт в бунт, — сказал цензор из Палаты надзора. — Единственный выход сейчас — немедленно отправить туда опытного сановника, знакомого с гидрологией и умеющего успокоить народ.

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

Кто-то снова заговорил об открытии государственных амбаров и выделении средств из казны на помощь пострадавшим. Императору было жаль денег до скрежета зубного, но пришлось кивнуть.

В зале на мгновение воцарилась тишина. Все думали об одном, но никто не решался произнести это вслух. Глава храма Дали, Цзэн Даньянь, вздохнув, вышел вперёд.

— Полагаю, ситуация с наводнением крайне серьёзна, а правитель Ичжоу казнён. Боюсь, чиновник, наспех назначенный из столицы, не справится.

Это наводнение, усмирение беженцев, восстановление хозяйства — на всё это потребуются сотни тысяч лянв серебра. А пока деньги дойдут до Ичжоу, пройдя через руки чиновников всех уровней, от них мало что останется. Надеяться, что император Цзяньюань выделит ещё, не приходилось. Если проблему не решить одним махом, последствия будут ужасны.

— Прошу Ваше Величество направить туда одного из принцев, — наконец произнёс глава храма Дали.

Сановники опустили головы, не смея проронить ни слова. Судя по рассказам Люй Цзюйчжэна, Ичжоу был на грани катастрофы, народ превратился в дикую толпу. Кто бы из принцев туда ни поехал, он рисковал жизнью. А если... они не могли взять на себя такую ответственность.

Взгляд императора скользнул по наследному принцу и седьмому принцу.

«Наследный принц и так слишком влиятелен. Нельзя допустить, чтобы его популярность в народе выросла ещё больше».

— Линь-эр... — решил император.

Седьмого принца, который и так дрожал от страха, передёрнуло. Он почувствовал отчаяние, ещё большее, чем у четвёртого брата. Семья со стороны матери четвёртого брата — это военный комиссар Хойчжоу, который хоть и был понижен в должности, но всё же обладал военной властью и не позволил бы принцу вернуться в гробу. А у него такого покровительства не было.

Там разбойники, беженцы, да ещё и наводнение...

— Линь-эр, поезжай ты, — сказал император Цзяньюань. — Я назначаю тебя главным по надзору за реками. Министерство двора выделит провизию, её доставят по воде. Завтра же отправляйся.

— Да, отец, — с лицом цвета глины ответил седьмой принц.

— Ваше Величество... — дрожащим голосом начал глава храма Дали.

— Довольно. Я верю, что Линь-эр справится. Верно, князь И? — властно спросил император.

— Да, отец, — седьмой принц был готов разрыдаться. — Я не посрамлю ваших ожиданий.

Наследный принц не проронил ни слова. После аудиенции он вернулся в свою резиденцию.

Седьмой принц же поспешил во дворец к наложнице Чэнь за советом.

*

В резиденции наследного принца стояла мёртвая тишина, нарушаемая лишь неумолчным, назойливым стрекотом цикад. Звук этот, тонкий и напряжённый, походил на тетиву, натянутую до предела, и каждый его порыв заставлял сердце тревожно сжиматься.

— Наследный принц, вернувшись, заперся в кабинете и никого не принимает, — сказала принцесса-консорт, идя впереди и слегка обернувшись к тому, кто шёл на шаг позади. Её изящные брови сошлись в тревожной складке. — Даже к обеду не вышел. Не знаю, захочет ли он тебя видеть.

— Не беспокойтесь, ваше высочество, я лишь хочу немного его утешить, — раздался в ответ ясный, словно россыпь нефритовых осколков на серебряном блюде, голос. Слегка приглушённый, он звучал доверительно и располагал к себе.

Принцесса-консорт немного успокоилась, на губах её появилась мягкая, примирительная улыбка.

— Ваше высочество, — она провела его до крытой галереи и дальше не пошла. Фигура в лунно-белом халате из облачной парчи постучала в дверь кабинета, украшенную резьбой с изображением драконов. Подождав немного и не услышав ответа, вошла сама.

— А ты смел, — наследный принц, окутанный тенью, с полуопущенными веками, низким голосом произнёс. — Даже твой брат, командующий стражей моей резиденции, не осмеливается входить в мой кабинет без разрешения.

— Ваше высочество, — Жун Цунцзинь почтительно поклонился и, выпрямившись, с улыбкой сказал: — Князю Жуй скоро просыпаться к обеду, мне нужно возвращаться, чтобы составить ему компанию.

Наследный принц промолчал.

— Четвёртый принц ранен и в ближайшее время не сможет соперничать с вами. Ваше высочество, вы достигли своей цели, так отчего же хмуритесь? — спросил Жун Цунцзинь.

Наследный принц помолчал, затем, сжав пальцы, тихо проговорил:

— Отец послал седьмого в Ичжоу. Он мне не доверяет.

— Но... — наследный принц горько усмехнулся. — Седьмой совершенно неспособен справиться

с этим. Пострадает в итоге Ичжоу. Лю Цюаньлиня несправедливо казнили, а город, который он пытался спасти из последних сил, всё равно обречён.

— Я попрошу у отца разрешения поехать в Ичжоу сам, — ровным тоном произнёс наследный принц. Он знал, что этот шаг вызовет ещё большие подозрения отца, но он не мог поступить иначе.

— Я пришёл именно из-за этого, — Жун Цунцзинь сделал два шага вперёд и остановился неподалёку от чайного столика. — Ваше высочество, вам ни в коем случае нельзя ехать.

— Седьмой принц вряд ли захочет отправиться в Ичжоу и будет искать любой предлог, чтобы отказать. Это поручение, скорее всего, всё равно достанется вам...

Глаза наследного принца блеснули, но Жун Цунцзинь, едва зародив в нём надежду, тут же её разрушил:

— Но вы ни в коем случае не должны соглашаться, подыгрывая ему.

— Почему? — глухо спросил наследный принц.

— Императорская власть священна, она дарует жизнь и смерть, она неоспорима, — Жун Цунцзинь говорил мягко, но твёрдо. — В династии Цинь не может быть двух императоров.

Наследный принц поднял глаза, и в них сверкнул холодный блеск.

— Вот как?

Жун Цунцзинь, словно не заметив ледяного тона, почтительно склонил голову.

— Седьмой принц не имеет такого влияния при дворе, как четвёртый. Он, вероятно, будет искать другие пути.

— Его Величество уже в годах и мечтает лишь о вечной жизни... — сказал Жун Цунцзинь. — Я слышал, что наложница Чэнь нашла в землях Цинчжоу следы некоего старого бессмертного.

В прошлой жизни этот «старый бессмертный» оказал седьмому принцу неоценимую услугу, позволив ему сравняться по влиянию с четвёртым. Опираясь на доверие императора, седьмой принц тайно накопил огромные богатства, подкупал сановников, и в итоге между ним, четвёртым принцем и наследным принцем установилось шаткое равновесие.

Если бы не внезапная смерть императора Цзяньюаня, после которой наследный принц быстро

взял ситуацию под контроль и начал выводить ослабленную династию из упадка, страна могла бы погибнуть.

Но годы борьбы принцев истощили казну, чиновничий аппарат прогнил, и наследному принцу пришлось невероятно трудно... Возродившись, Жун Цунцзинь надеялся заранее устранить препятствия на его пути и пополнить казну.

Что до чиновников, то нынешние сановники ещё не совсем бесполезны. Пока они не превратятся в тех подхалимов, что в прошлой жизни лишь примыкали к разным фракциям.

— Если бы бессмертие существовало, императоры Тай-цзун, Ли-цзун и другие жили бы вечно, и не было бы нужды в наследниках, — наследный принц презрительно фыркнул, услышав о поисках бессмертных седьмым принцем.

— Вы правы, — склонил голову Жун Цунцзинь. — Но хотя бессмертие и иллюзия, стремление Его Величества к даосским тайнствам вполне реально.

— Ваше высочество, вы долгие годы трудились на благо династии, охраняли границы в Лянчжоу и Юнчжоу, разбирались с набегами пиратов в Цюаньчжоу. Ваша слава велика, народ вас почитает.

Наследный принц понял, что это не похвала, а предупреждение.

— И что же, я должен сидеть сложа руки? — глухо спросил он. Если бы он мог оставаться в стороне, он бы давно это сделал. Разве приятно жить под гнётом отцовских подозрений?

— Разумеется, нет, — Жун Цунцзинь поднял глаза и посмотрел прямо на наследного принца. — Ваше высочество, вы уже достаточно долго были добродетельным наследником. Пора бы уделить время и сыновнему долгу перед Его Величеством.

— Седьмой принц ищет для императора бессмертия, разве вы не можете сделать то же самое?

— И что дальше? — холодно спросил наследный принц.

Жун Цунцзинь кротко улыбнулся и, глядя на него, медленно произнёс:

— Его Величество, прежде чем стать Сыном Неба, тоже был принцем.

Наследный принц долго молчал, изучая стоявшего перед ним юношу в белом, похожего на сошедшего с небес небожителя.

— В тебе и вправду нет ни капли верности.

В тот день, когда Жун Цунцзинь показал свои когти, он пожалел, что женил на нём Гу Чжао. Таких людей, как он, словно диких коней, нужно укрощать кнутом и молотом. А если не укротишь — уничтожить, пока они не набрали силу, чтобы избежать беды.

Жун Цунцзинь показал своё истинное лицо, и сердце наследного принца похолодело. Он понял, что Гу Чжао не справится с этим диким конём... Его младший брат был без ума от него, но в сердце Жун Цунцзиня была лишь власть поместья маркиза Динъюань. Их хрупкое равновесие держалось лишь на его, наследного принца, статусе. Если этот статус пошатнётся, Жун Цунцзинь перестанет быть таким покорным с Гу Чжао.

— Вы мне льстите, ваше высочество, — улыбнулся Жун Цунцзинь.

— Допустим, я последую твоему совету и отправлюсь на поиски бессмертных, а седьмой брат откажется ехать. Кто тогда усмирит Ичжоу?

— Я готов отправиться туда от вашего имени, как ваш верный слуга, — Жун Цунцзинь отбросил улыбку, поклонился и опустил на колени.

— Ты... — наследный принц прикрыл глаза и замолчал. Жун Цунцзинь, возможно, и умел плести интриги, но он вырос в роскоши столицы. Что он знает об усмирении наводнений?

Жун Цунцзинь не обиделся.

— Наводнения в Ичжоу — давняя проблема. Река смывает почву, на дне скапливается ил, со временем дно поднимается. Чиновники из года в год лишь укрепляют дамбы, не решаясь на большее.

— Каждые несколько лет дамба на реке Цзючжоу прорывается, принося плодородный ил. Крестьяне, видя плодородную землю, селятся на новых берегах, и никакие указы правителя Ичжоу не могут заставить их уйти.

— Поэтому каждый раз, когда дамба рушится, гибнет бесчисленное множество простого люда, — сказал Жун Цунцзинь. — Вместо того чтобы бесконечно надстраивать дамбы, лучше изменить русло реки.

— Изменить русло? — переспросил наследный принц, словно услышал нечто невообразимое.

— Река Цзючжоу берёт начало от реки Цин, а впадает в реку Хуань. Своё название она получила из-за извилистого русла. Чтобы силой изменить её течение, потребуются сотни тысяч лянов серебра и почти сто тысяч рабочих.

— Но если использовать силу самой воды и направить реку Цзючжоу через Юндин к реке Хуань, можно не только усмирить наводнение в Ичжоу, но и позволить крестьянам обрабатывать земли у реки, не боясь стихии. А ниже по течению и Хойчжоу получит выгоду. — Жун Цунцзинь подошёл ближе и, обмакнув палец в чай, начертил на столе карту реки Цзючжоу, её берегов, уездов и городов. Лёгким движением он изменил русло в самом узком, стратегически важном месте, и течение ниже по реке стало спокойнее.

Глаза наследного принца блеснули. Он был не из тех принцев, что знают лишь дворцовые интриги. Он исходил земли династии вдоль и поперёк и понимал, что план Жун Цунцзиня, если увенчается успехом, принесёт плодородные земли и благополучие не только Ичжоу, но и соседним областям.

— Гу Чжао не сможет без тебя. Тебе не стоит ехать, — наследный принц, незаметно запоминая высыхающий на столешнице чертёж, сказал уже более мягким тоном. — Я пошлю туда надёжных людей, не беспокойся.

— Я поговорю с князем Жуй, — ответил Жун Цунцзинь. — Вашему высочеству не обязательно доверять мне. Достаточно доверять князю Жуй.

Он был готов отдать все силы ради восхождения наследного принца на трон. Неужели ради его награды?

<http://bllate.org/book/13698/1586394>